

Якоб Ван Бельзен¹

**ПЕРЕД ЛИЦОМ НЕОБХОДИМОСТИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР
И ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ:
ВКЛАД СО СТОРОНЫ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКИ**

Для меня большая честь выступать на Международных Лихачевских научных чтениях, увековечивших память о великом ученом — Дмитрие Сергеевиче Лихачеве. Замечательно, что представилась возможность обсудить

¹ Профессор психологии факультета гуманитарных наук Амстердамского университета (Нидерланды), доктор социологии, истории, философии и религиоведения. Автор около 200 научных публикаций.

Генеральный секретарь Международного комитета европейских исследований в области психологии религии (1985–2003, International Committee for European Psychology of Religion), член Международной ассоциации исследований в области психологии религии (International Association for the Psychology of Religion), почетный член Итальянской ассоциации исследователей психологии религии, член Американской психологической ассоциации.

с коллегами и участниками из различных культурных регионов проблему особой важности как для современной цивилизации, так и для человечества в целом.

Санкт-Петербург, на мой взгляд, является самым европейским из всех российских городов. В Нидерландах относятся к этому городу с особым чувством. Основатель этого величественного города получил образование в нашей маленькой стране у Северного моря. Мы знаем, что Петра Великого на строительство Санкт-Петербурга вдохновили голландские города, прежде всего Амстердам. В 1697 году город Амстердам организовал большое празднество в честь прибытия русского царя в Голландию.

С тех пор между Амстердамом и Санкт-Петербургом установились тесные связи и добрососедские отношения.

В своем докладе я рассмотрю лишь один пример сотрудничества между Амстердамом и Санкт-Петербургом — в сфере культуры, партнерства в области культурного наследия.

Когда в начале 1990-х годов профессор Михаил Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге, изучал возможность создания музеев-спутников на Западе, в качестве такового он рассматривал и Амстердам. На тот момент уже были установлены отношения между Эрмитажем и так называемой Новой церковью в Амстердаме. Новая Церковь, или Ньивекерк, — это кальвинистская церковь XV века, расположенная на Площади Дам, рядом с Королевским дворцом, в сердце Амстердама. В настоящее время здание в основном используется для организации крупных экспозиций. Здесь также часто выставлялись коллекции Государственного Эрмитажа — одного из самых прославленных музеев России. Между Новой церковью и Эрмитажем было налажено тесное сотрудничество, поэтому было предложено, чтобы Амстердам стал филиалом петербургского музея. Это идеальное место, особенно с учетом исторических связей, складывавшихся между нашими городами на протяжении последних трехсот лет.

В 1988 году был проведен анализ технических возможностей создания филиала Эрмитажа в Амстердаме. Результаты исследования были положительные, поэтому в 1994 году был основан фонд «Эрмитаж на Амстеле» (Амстел — название реки, на берегах которой был построен Амстердам и от которой он получил свое имя). 20 июня 2009 года филиал Эрмитажа в Амстердаме был открыт и получил название «Эрмитаж на Амстеле». С конца февраля 2004 года функционировало также крупное здание, пригодное для размещения малых экспозиций и проведения небольших образовательных мероприятий — двух основных видов деятельности амстердамского филиала музея. Таким образом, с этого времени жители Амстердама, так же как и жители Санкт-Петербурга, имеют возможность любоваться богатейшими культурными сокровищами Эрмитажа — это достижение, за которое мы очень признательны Санкт-Петербургу и которым весьма гордимся!

Тесные контакты и отношения имеют взаимовыгодный характер, обеспечивая общую пользу. Голландский фонд помог Государственному Эрмитажу в Санкт-Петербурге сохранить некоторые из известных картин Рембрандта, возможно, самого выдающегося голландского художника. В Государственном Эрмитаже хранятся около двадцати его работ, и среди них классическая картина «Давид и Ионафан», написанная в 1642 году, приобретенная и доставленная в Санкт-Петербург лично Петром Великим. В XIX столетии коллекция работ Рембрандта в Эрмитаже значительно пополнилась, когда голландская королевская семья породнилась с Российским императорским домом, поэтому для работ Рембрандта был выделен специальный зал. В конце XX века Государственный Эрмитаж не располагал достаточными финансовыми средствами для проведения необходимой реставрации этого зала, и голландский фонд помог собрать деньги, затем прислал архитекторов и организовал замену крыши над этой секцией музея. В дальнейшем при участии Фонда друзей Эрмитажа из Амстердама была отреставрирована большая площадь, отведенная под работы голландских мастеров. Это лишь отдельные примеры тесного сотрудничества между нашими городами.

Тема моего научного исследования — культурная психология религии¹. Для многих словосочетание «культурная психология религии» представляет собой лишь соче-

тание трех слов, каждое из которых не очень употребительно, а их последовательность и вовсе может вызвать удивление. Прежде чем изложить главный тезис научного исследования по культурной психологии религии, с учетом и в рамках «Диалога культур и партнерства цивилизаций», необходимо коротко рассказать об этой области научного знания. Следует начать с объяснения понятия «психология религии», которое почти неизвестно российской науке.

Психология религии

Современная ситуация в области психологии религии выглядит следующим образом: никогда раньше не появлялось такого большого количества психологической литературы по религии, не проводилось так много встреч и конференций, не был отмечен такой интерес (как внутри, так и вне академических организаций) к тому, что именно может сказать психология по поводу религиозности и духовности. Учреждаются сети, основываются журналы, назначаются люди: похоже, эта область действительно процветает.

Однако сказанное выше не вся правда. Следует указать на сходство нынешней ситуации с той, которая сложилась столетие назад: и в те дни психология религии также весьма быстро стала завоевывать аудиторию, и в рамках академических кругов и за их пределами были основаны психологические журналы и соответствующие организации. Но не следует забывать о том, что произошло между двумя этими «пиками» активности, а именно резкий упадок изучения данной дисциплины. Поскольку настоящий доклад не является историческим, я не буду рассуждать о причинах этого упадка и нынешнего подъема интереса к этой сфере знания.

Действительно интересно, что может сказать психология по поводу религии, религиозности, духовности и т. п. Любой книжный магазин на Западе, главным образом в США, предлагает десятки книг на эту тему; устраиваются встречи и семинары по психологии, духовности и т. д. Однако важно осознать, что далеко не все психологическое в отношении религии является психологией религии. Более того: большинство из этих книг и мероприятий вовсе не имеют отношения к психологии религии.

Понятие «психология религии» обуславливает постановку ряда вопросов относительно его толкования. Единственное, чего не подразумевает данное выражение, — это психология, которая принадлежит, является частью, подчеркивает или служит целям лишь только религии. Таким образом, психология религии не есть нерелигиозная психология (как эту дисциплину называли в течение нескольких десятков лет).

Цели и задачи психологии религии заключаются в том, чтобы использовать психологические инструменты (такие как теории, концепции, инсайты, методы и методики) для анализа и понимания религии. Все это осуществляется с сугубо научных позиций, при соблюдении определенной дистанции и по возможности отстраненно, как того требуют все элементы *Religionswissenschaften*, от ест тех научных дисциплин, которые имеют дело с религией, а именно: история, социология, антропология, археология, экономика религии и некоторые другие.

Я допускаю, что каждая религиозная традиция непременно содержит психологический инсайт, а также то, что воспитатели, духовные наставники и другие психологически одаренные религиозные деятели обладают исключительными способностями проникновения в тайны человеческой психики². Однако его не следует рассматривать

¹ *Belzen J. A. Towards Cultural Psychology of Religion : Principles, Approaches and Applications. Dordrecht ; N. Y., 2009.*

² Ср. с примерами из буддийской традиции следующие труды: *Marcus P. Ancient Religious Wisdom, Spirituality and Psychoanalysis. Westport ; L., 2003; Aronson H. B. Buddhist Practices on Western Ground. Reconciling Eastern Ideals and Western Psychology. Boston ; L., 2004; Dockett K. H., Dudley-Grant G. R., Bankart C. P. Psychology and Buddhism. From Individual to Global Community. N. Y. ; Dordrecht, 2003; Levine M. The Positive*

в качестве научного психологического знания, точно так же как нельзя считать научным знание, сотворенное писателями, философами и поэтами. Кроме того, существуют большая область знаний и инсайт психологического типа, которые непосредственно связаны с религиозными идеями или содержатся в них. Широко известные примеры — психология К. Г. Юнга, а также многочисленные публикации по эзотерике и надличностному видению. Это интересно, но они не рассматриваются в качестве части психологии религии даже самими авторами публикаций¹.

Психологию религии не следует отождествлять с такими выражениями, как «психология и религия» или «диалог между психологией и теологией». Этот раздел представлен целым рядом практических исследователей и является подразделом теологии или религиоведения, а в университетах и колледжах изучается на факультетах, которые так и называются².

С тех пор как оформилась современная психология, многочисленные западные теологи и другие религиозные мыслители живо интересуются этой дисциплиной, заостряя внимание на основном для теологии предмете — человеческой душе.

Сегодня очевидно одно: многие теологи то ли в силу своей практической работы в качестве пасторов, то ли из-за более систематизированных академических интересов с готовностью следуют за новинками в современной психологии и стараются придерживаться таковых в собственной работе. Некоторые даже интегрировали элементы психологии в собственное мышление или испытывали сильную зависимость от того, что утверждала психология и прочие отрасли гуманитарного знания, изучающие человеческий опыт (например, Тиллих, Панненберг, Шиллебекс).

Все это, однако, не составляет предмет психологии религии, даже рассматриваемой в общем смысле. Лишь немногие теологи обратились непосредственно к психологии религии как таковой. Некоторые из них даже сами стали психологами религии, восприняв теории, методы и методики психологических школ и намереваясь приступить к эмпирическим исследованиям или, по крайней мере, к психологическому анализу религиозных феноменов³.

В целом, однако, представителей психологии и религии, или диалога психологии и теологии, интересуют прежде всего широкие теоретические проблемы, вытекающие скорее из психологических теорий в целом, нежели из практики эмпирической психологической деятельности в отношении религии или иного предмета⁴.

Psychology of Buddhism and Yoga : Paths to a Mature Happiness With a Special Application to Handling Anger. N. Y. ; L., 2000.

¹ Ср., например: Explorations in Counselling and Spirituality : Philosophical, Practical and Personal Reflections / C. Faiver [et al.]. Belmont, 2001; Corbett L. The Religious Function of the Psyche. L. ; N. Y., 1996; Young-Eisendrath P., Miller M. E. The Psychology of Mature Spirituality : Integrity, Wisdom, Transcendence. L. ; Philadelphia, 2000; Young-Eisendrath P., Muramoto S. Awakening and Insight : Zen Buddhism and Psychotherapy. N. Y., 2002.

² Существенные критические замечания по поводу религиоведения как академической дисциплины см.: Fitzgerald T. The Ideology of Religious Studies. N. Y., 2000; Idem. Discourse on civility and barbarity. N. Y., 2007; McCutcheon R. T. Manufacturing Religion. The Discourse on Sui Generis Religion and the Politics of Nostalgia / R. T. McCutcheon. N. Y., 2003.

³ См., например: Batson C. D., Schoenrade P., Ventis W. L. Religion and the Individual : a Social-Psychological Perspective. N. Y., 1993; Girgensohn K. Der Seelische Aufbau des Religiösen Erlebens : Eine religionspsychologische Untersuchung auf Experimenteller Grundlage. Gütersloh, 1921; 1930; Malony H. N., Lovekin A. Glossolalia : Social and Psychological Perspectives. N. Y., 1985; Vergote A. Religion, Belief and Unbelief : A Psychological Study. Amsterdam, 1983; 1997.

⁴ Angel H.-F. Religiosität. Anthropologische, theologische und sozialwissenschaftliche Klärungen. Stuttgart, 2006; Crockett C. Interstices of the Sublime. Theology and Psychoanalytic Theory. N. Y., 2007; Browning D. S. Religious Thought and the Modern Psychologies : a Critical Conversation in the Theology of Culture. Philadelphia, 1987; Gundry M. R. Beyond Psyche : the Symbol and Transcendence in C. G. Jung. N. Y., 2006; Homans P. The Dialogue Between Theology and Psychology. Chicago, 1968; Homans P. Theology After Freud : An Interpretative Inquiry. N. Y., 1970; Idem. Jung in Context : Modernity

Для тех, кто интересуются прежде всего теоретическими проблемами, сфера психологии и религии выглядит более привлекательной, чем неизбежно ограниченные цели и результаты какой бы то ни было психологии религии (которая, в лучшем случае, соотносится с психологией и религией как небольшой элемент более крупного целого⁵).

В силу своей профессиональной подготовки, необходимости участия в дискуссиях и выступлениях в тематических средствах массовой информации психологи религии, следуя внутренним тенденциям психологии в целом, часто сужают свои исследования и наблюдения до мелко-масштабных вопросов, не столь интересных для участников диалога психологии и теологии. Последние, как правило, лучше всего знакомы с самой теоретической из всех психологических школ — психоанализом.

В итоге студенты-религиоведы обычно изучают лишь великие, хотя и несколько устаревшие на сегодняшний день теории Фрейда и Юнга⁶ и лишь изредка — более современные достижения в области психоанализа⁷ и едва ли вообще знают об иных ответвлениях психологии, относящихся или не относящихся к исследованию религии⁸.

Поскольку я не ставлю целью просто перечисление всех видов психологии, связанных с религией, которые не являются психологией религии, упомяну лишь об одном разделе, а именно — о так называемой пастырской психологии⁹. Научные работы в этой области отличаются высокой степенью учености, но замысел, лежащий в их основании, обуславливает их отличие от психологии религии: пастырская психология служит религиозным целям; это психология, которая помогает пастору, разрабатывается и практикуется, чтобы содействовать целям, поставленным церковью (как правило, христианской). Конечно, в этом нет ничего плохого: и в рамках пастырской психологии люди нередко знакомятся с основами психологии религии и практикуют таковую. Суть в том, что последняя нейтральна по отношению к своему предмету, ее цель не поощрение или противодействие религии, а лишь ее анализ и понимание¹⁰.

Единственным критическим замечанием может быть утверждение, что психология религии не очень распространена. Если для примера мы рассмотрим самую крупную в мире психологическую структуру, а именно Американскую психологическую ассоциацию (АПА), и ее отделение психологии религии, среднее по численности среди всех отделений АПА, то увидим, что из 2500 его членов подавляющее большинство не очень активно интересуется психологией религии в буквальном ее понимании.

and the Making of a Psychology. Chicago, 1979; Idem. The Ability to Mourn : Disillusionment and the Social Origins of Psychoanalysis. Chicago, 1989; Jonte-Pace D. Speaking the Unspeakable : Religion, Misogyny and the Uncanny Mother in Freud's Cultural Texts. Berkeley, 2001; Idem. Teaching Freud. N. Y., 2003; Santner E. L. On the Psychotheology of Everyday Life. Reflections on Freud and Rosenzweig. Chicago ; L., 2001.

⁵ См.: Jonte-Pace D., Parsons W. B. Religion and Psychology : Mapping the Terrain. Contemporary Dialogues, Future Prospects. L. ; N. Y., 2001.

⁶ Palmer M. Freud and Jung on Religion. N. Y. ; L., 1997; Vandermeersch P. Unresolved Questions in the Freud/Jung Debate on Psychosis, Sexual Identity and Religion. Leuven, 1974; 1991. (Louvain Philosophical Studies 4.)

⁷ Jacobs J. L., Capps D. Religion, Society and Psychoanalysis. Readings in Contemporary Theory. Boulder, 1997; Jones J. W. Contemporary Psychoanalysis and Religion : Transference and Transcendence. New Haven, 1991; Idem. Religion and Psychology in Transition : Psychoanalysis, Feminism and Theology. New Haven ; L., 1996; Leupin A. Lacan Today. Psychoanalysis, Science, Religion. N. Y., 2004.

⁸ Gundry M. R. Op. cit.; Jonte-Pace D., Parsons W. B. Op. cit. Примечательные исключения: Turner L. Theology, Psychology and the Plural Self. Farnham, 2008; Watts F. Theology and Psychology. Hants, 2002.

⁹ См.: Klessmann M. Pastoralpsychologie : ein Lehrbuch. Neukirchen, 2004; Watts F., Nye R., Savage S. Psychology for Christian Ministry. L. ; N. Y., 2002.

¹⁰ Belzen J. A. Sketches for a Family Portrait of Psychology of Religion at the End of Modernity // Journal of Psychology of Religion. 1995. № 4-5. P. 89-122.

Большинство членов составляют психологи, которые проявляют к религии сугубо личный интерес, и многие из них — главным образом клинические специалисты — пытаются интегрировать религию в сферу своей профессиональной деятельности¹.

Следует также напомнить, что в течение многих лет (до 1992 г.) 36-е отделение АПА имело название «Психологи, интересующиеся вопросами религии». В настоящее время многочисленные действующие специалисты хотят либо вернуться к прежнему названию, либо изменить его на «Психология религии и духовности» (ср. дискуссии в периодическом издании Newsletter).

Таким образом, психология религии представляет собой незначительную по масштабам область знания с небольшим числом практикующих специалистов во всем мире. Следует добавить, что эта область развивается достаточно успешно.

Я упомяну лишь о некоторых показателях «жизнеспособности» этой области, которые включают многочисленные эмпирические исследования, представленные в обзоре, например, Бейт-Халлами и Аргайла. В 1997 году они опубликовали обновленную версию своей работы «Социальная психология религии» 1975 года. При сравнении этих двух изданий можно сделать вывод, что за последние годы появилось множество эмпирических работ. (Аналогичное заключение можно сделать и при сравнении более ранних и более поздних изданий самого известного обзора эмпирических исследований в целом, подготовленного Гудом и др.²)

Другой пример: около 20 лет назад не было написано ни одного введения в эту область знания, в настоящее время их уже несколько³. В значительной степени это результат постоянно возрастающего числа психологических исследований и публикаций в целом, а также следствие того факта, что религия сейчас представляет собой менее табуированную тему в психологии, чем несколько лет назад (даже АПА недавно опубликовала целый ряд пользующихся успехом книг по этой теме⁴).

Религия представляет собой релевантный элемент каждой культуры в прошлом и настоящем и обладает значительным влиянием на огромное число людей, в том числе на наших современников, поэтому совершенно очевидно, что психология всегда уделяла внимание религии.

В принципе психологические подходы могут использоваться и уже применяются в исследованиях по религии. Поскольку то, что понимается под религией или религиозным, существенно различается в зависимости от той или иной культуры или исторического периода, психологический подход, сосредотачивающий внимание на культурной стороне психических функций, оказывается наиболее удобным путем для того, кто стремится к изучению религиозной психологии.

¹ Cashwell C. S., Young J. S. Integrating Spirituality and Religion Into Counseling. A Guide to Competent Practice. Alexandria, 2005; Frame M. W. Integrating Religion and Spirituality Into Counselling. N. Y., 2003; Fukuyama M. A., Sevig T. D. Integrating Spirituality Into Multicultural Counselling. L., 1999; Miller W. R. Integrating Spirituality Into Treatment: Resources for Practitioners. Washington, 2002; Richards P. S., Bergin A. E. A Spiritual Strategy for Counseling and Psychotherapy. Washington, 1997; Sperry L. Spirituality in Clinical Practice. New Dimensions in Psychotherapy and Counseling. L., 2001; West W. Psychotherapy & Spirituality: Crossing the Line Between Therapy and Religion. L.; Thousand Oaks; New Delhi, 2000.

² Hood R. W., Hill Jr., Spilka P. C. The Psychology of Religion: An Empirical Approach. 4-th ed. N. Y., 2009.

³ Например: Argyle M. Psychology and Religion: an Introduction. L.; N. Y., 2000; Hemminger H. Grundwissen Religionspsychologie. Ein Handbuch für Studium und Praxis. Freiburg, 2003; Loewenthal K. M. The Psychology of Religion: A Short Introduction. N. Y., 2000.

⁴ См., например: Richards P. S., Bergin A. E. A Spiritual Strategy for Counseling and Psychotherapy; Idem. Handbook of Psychotherapy and Religious Diversity. Washington, 2000; Shafranske E. P. Religion and the Clinical Practice of Psychology. Washington, 1996; Sperry L., Shafranske E. P. Spiritually Integrated Psychotherapy. Washington, 2005.

Мы собрались в СПбГУП, университете гуманитарных и общественных наук, где особо приветствуются культурно-психологические подходы в силу их отчетливой нацеленности на интеграцию гуманитарных и общественных наук. Поэтому следует сказать несколько слов о культурной психологии.

Культурная психология

Как и психология в целом, культурная психология представляет собой широкомасштабную гетерогенную область, в исследование которой внесли значительный вклад многие известные психологи. Важно понять, что культурная психология не является особой психологией, совершенно отличной от прочих вариантов психологии в том виде, как они сложились в течение столетий. Кроме того, культурная психология не является также отдельной субдисциплиной или просто прикладной областью знания.

В общих чертах можно говорить о том, что культурная психология представляет собой научный метод, действующий в рамках психологии, при помощи которого описывается, исследуется и интерпретируется взаимосвязь культуры и человеческой психики. Это та часть психологии, которая всерьез относится к тривиальному на первый взгляд наблюдению, что культура и человеческая психика не в состоянии существовать друг без друга; что, с одной стороны, культура является основным фактором для всех значимых аспектов человеческого поведения, а с другой — человеческое участие можно проследить во всех проявлениях культуры. Культура в данном случае понимается как система знаков, правил, символов и практик, которая, с одной стороны, структурирует сферу человеческой деятельности, а с другой — сама (ре)конструируется и преобразуется под влиянием человеческой деятельности. Целесообразно разделить культурную психологию в целом на различные виды (которые, очевидно, не являются полностью независимыми друг от друга и которые невозможно подробно описать в рамках настоящего доклада).

Для развития психологии как совокупности знания, точек зрения и навыков важно, что культурная психология изучает, каким образом культура устанавливает и регулирует человеческую субъективность и ее выражение в различных психических функциях и процессах, что постулируется и концептуализируется в различных психологических школах и теориях (например, восприятие, память, ментальное здоровье, самость, бессознательное и т. д.). Важно отметить, что описываемая здесь концепция культуры динамична и подразумевает не только контекст или ситуацию.

Эрнст Бош, ведущий немецкий представитель современной культурной психологии⁵, высказался по этому поводу следующим образом: «Культура представляет собой сферу деятельности, содержание которой простирается от объектов, изготовленных и используемых людьми, до установлений, идей и мифов. Будучи деятельной сферой, культура предлагает возможности для деятельности, но кроме того диктует условия для таковой; она очерчивает цели, которые могут быть достигнуты определенными средствами, но устанавливает также и пределы для правильной, возможной или отклоняющейся от нормы деятельности. Связь между различным материалом, равно как и понятийное содержание культурной сферы деятельности, носит систематический характер, то есть преобразования в одной части системы могут повлиять на любую другую часть. Как деятельная сфера, культура не только включает и управляет действием, но и непрерывно

⁵ Lonner W. J., Hayes S. A. Discovering Cultural Psychology. A Profile and Selective Readings of Ernest E. Boesch. Charlotte, 2007; Simao L. M. Ernst Boesch' Holistic Cultural Psychology // Diriwächter R., Valsiner J. Striving for the Whole. Creating Theoretical Syntheses. New Brunswick, 2008. P. 131–150.

преобразуется им: таким образом, культура является в одинаковой степени и процессом, и структурой»¹.

При такой концепции культуры культурная психология выходит далеко за рамки обычного понимания культуры в психологии. Современная психология признает, что культура не только влияет на человеческие взаимодействия, но и формирует человеческие чувства, мышление, переживания и поведение. Поэтому культурная психология представляет их как явления, по сути своей культурные, — как результаты человеческой включенности в культуру, которая, в свою очередь, рассматривается в качестве подлинного элемента всякого человеческого функционирования, релевантного для психологии. Именно рассмотрению этой формы культурной психологии посвящен настоящий доклад. Психологи, как правило, развивают именно этот тип культурной психологии. (Данное замечание не должно вызывать удивления, поскольку существуют и другие академические дисциплины, которые используют психологию или вносят в нее как в отрасль научного знания определенный вклад.)

Все условия и детерминанты психического функционирования — ограничивающие (психофизическое состояние или социальные и географические условия), оперативные (как приобретенные, усвоенные виды деятельности) или нормативные (как правила и нормы) — всегда изменяются под воздействием культурно-исторических факторов².

Таким образом, первый вариант культурной психологии состоит из двух форм — синхронной и диахронной. В обеих формах наблюдается реализация исторической природы культуры (в ее разнообразных проявлениях) и, следовательно, функционирование человеческой психики. В первой форме подчеркиваются психические функции и процессы, свойственные современным субъектам; здесь присутствует абстрагирование от исторической изменчивости. Во второй форме исторические изменения в психическом функционировании человека исследуются и объясняются на основании модификаций в культурных условиях и установках.

Культурная психология в целом представляет собой междисциплинарный подход: в обеих охарактеризованных формах первого варианта культурная психология предполагает сотрудничество с другими дисциплинами из области общественных наук и наук о человеке. В синхронной форме психология полагается на информацию, а иногда и на теории, концепции и навыки, почерпнутые из таких дисциплин, как антропология, социология и политология. Во второй форме среди очевидных партнеров при разработке теорий и исследований можно отметить историографию и иногда эволюционную биологию³.

Многочисленные публикации обычно посвящаются попыткам обнаружить и определить человеческую вовлеченность во все виды культурной продукции. Если в первом варианте культурной психологии понимание культуры носит антропологический характер (макроуровень), то во втором варианте обычно задействуется гораздо более элитарная и узкая концепция культуры.

Здесь внимание уделяется продукции так называемой высокой культуры: романам, кинематографу, опере и другим произведениям искусства, а также таким областям, как мир и война, спорт, реклама, организации, международные дела, и наконец, важным доменам: социализации,

сексуальности и ухаживанию, труду, смерти и умиранию. Каждый из этих объектов может изучаться в рамках другой научной дисциплины, по отношению к которой психология выступает как вспомогательная дисциплина.

В таких областях (их надо отличать от дисциплин!), как культурология, образование и искусство, дисциплина «Психология» часто привлекается для того, чтобы исследовать человеческую вовлеченность в изучаемые явления. Для таких случаев характерно привлечение того или иного вида психологии (в частности, психоанализа). Несмотря на то что такая работа может проводиться самими психологами (главным образом психоаналитиками), ее могут выполнять также исследователи и авторы, не имеющие подготовки по психологии. Психологи, если и привлекаются при таких обстоятельствах, очевидно, преследуют иные цели, нежели развитие (новой) психологической теории.

Во втором варианте культурной психологии значительное внимание уделено разнообразию религиозных феноменов. Исследователи, занимающиеся разработкой этой проблематики, вносят существенный вклад в литературу по психологии религии. Не только великие психологи, главным образом представители психоаналитической традиции, сосредоточивались на религиозной тематике, используя психологический подход или разработанную ими теорию (например, Фрейд, Юнг, Эриксон, Олпорт, Маслоу и Фромм), но и другие исследователи, помимо психологов, часто использовали психологические методы или теории для анализа того или иного религиозного феномена. К числу таких исследователей можно отнести не только авторов с профессиональной подготовкой по психологии/психопатологии⁴, но и ученых с первичным образованием в области теологии, религиоведения или религиозных исследований в целом⁵. Поскольку данная сфера достаточно подобно описана в других обстоятельных обзорах⁶, этот вариант культурной психологии не будет рассматриваться в докладе.

О третьем варианте культурной психологии можно сказать следующее. Специалисты в области культурной психологии сходятся во мнении, что различные культурные контексты, эпохи и места порождают разные типы психологии в силу того, что они развиваются субъектами или в отношении субъектов с различной психической ор-

⁴ Например: *Pruyser P. W.* The Play of Imagination : Toward a Psychoanalysis of Culture. N. Y., 1983; *Rizzuto A. M.* The Birth of the Living God. A Psychoanalytic Study. Chicago, 1979; *Meissner W. W.* Ignatius of Loyola : The Psychology of a Saint. New Haven, 1992; *Idem.* The Pathology of Beliefs and the Beliefs of Pathology // *Shanfransky E.* Op. cit. P. 241–268; *Kakar S.* Shamans, Mystics and Doctors : a Psychological Inquiry Into India and Its Healing Traditions. Boston, 1982; *Idem.* The Analyst and the Mystic : Psychoanalytic Reflections on Religion and Mysticism. Chicago, 1991; *Stählin W.* Zur Psychologie und Statistik der Metaphern : Eine methodologische Untersuchung // *Archiv für die Gesamte Psychologie.* 1914. № 31. S. 297–425; *Idem.* Experimentelle Untersuchungen über Sprachpsychologie und Religionspsychologie // *Archiv für Religionspsychologie.* 1914. №1. S. 117–194.

⁵ Например: *Beth K.* Religion und Magie: Ein religionsgeschichtlicher Beitrag zur psychologischen Grundlegung der religiösen Prinzipienlehre. Leipzig ; Berlin, 1927; *Idem.* Religion als Metabiontik. I : Der Fall R. Sch. // *Zeitschrift für Religionspsychologie (Beiträge zur religiösen Seelenforschung und Seelenführung).* 1931. № 4. P. 25–37; *Idem.* Religion als Metabiontik. II : Madeleine Sémer // *Ibid.* P. 145–156; *Pfister O.* Die Frömmigkeit des Grafen Ludwig von Zinzendorf : Ein psychoanalytischer Beitrag zur Kenntnis der religiösen Sublimierungsprozesse und zur Erklärung des Pietismus. Leipzig, 1910; *Idem.* Die Legende Sundar Singhs : Eine auf Enthüllungen protestantischer Augenzeugen in Indien gegründete religionspsychologische Untersuchung. Bern, 1926; *Idem.* Christianity and Fear : A Study in History and in the Psychology and Hygiene of Religion. L., 1944; 1948; *Sundén H.* Die Religion und die Rollen : Eine psychologische Untersuchung. Berlin, 1959; 1966; *Girgensohn K.* Op. cit.; *Holm N. G.* Einführung in die Religionspsychologie. [Introduction to the Psychology of Religion]. München ; Basel, 1990; *Kripall J. J.* Kali's Child : the Mystical and the Erotic in the Life and Teaching of Ramakrishna. Chicago, 1995; *Parsons W. B.* The Enigma of the Oceanic Feeling: Revisioning the Psychoanalytic Theory of Mysticism. N. Y., 1999; *Vergote A.* Guilt and Desire : Religious Attitudes and Their Pathological Derivatives / A. Vergote. — New Haven ; L., 1978; 1988; *Idem.* Religion, Belief and Unbelief.

⁶ Например: *Wulff D. M.* Psychology of Religion : Classic and Contemporary. 2nd ed. N. Y., 1997.

¹ *Boesch E. E.* Symbolic Action Theory and Cultural Psychology. Berlin ; Heidelberg, 1991. P. 29.

² Ср.: *Peeters H. F. M.* Hoe veranderlijk is de mens? Een inleiding in de historische psychologie. Nijmegen, 1994.

³ *Atran S.* In Gods we Trust : The Evolutionary Landscape of Religion. Oxford ; N. Y., 2002; *Idem.* Religion's Cognitive and Social Landscape : an Evolutionary Perspective // *Cambridge Handbook of Sociocultural Psychology* / eds J. Valsiner, A. Rosa. N. Y., 2007. P. 454–476.

ганизацией¹, а также того, что история психологии — это наука не о естественных фактах, а о социально генерированных структурах².

Таким образом, внутри культурной психологии проявляется внимание, с одной стороны, к так называемым «туземным» психологиям, когда типы психологии развиваются и используются местным населением (в отличие от евро-американских психологов, которые создали практически всю современную академическую психологию) в иных частях мира, отличных от регионов, расположенных по обоим берегам Атлантики³; с другой стороны, к истории психологии (по инициативе Запада).

В третьем варианте наблюдается сотрудничество со специалистами по местным культурам (либо академически подготовленным в духе западной традиции, как антропологи, либо нет) и соответственно с историками, главным образом с философствующими историками (или с «историзирующими» философами)⁴.

Поскольку настоящий доклад не является введением в культурную психологию и даже в культурную психологию в том ее виде, в каком она рассматривается в исследованиях по религии, я не стану подробно рассматривать этот предмет. В контексте Лихачевских чтений, посвященных диалогу культур и партнерству цивилизаций, я хотел бы поделиться некоторыми важными для меня соображениями, которые, однако, с точки зрения психологии можно рассматривать лишь как неспецифический результат культурно-психологического исследования религии.

Культурная психология: наследница герменевтической «главной линии» в общей психологии

В сфере философии науки мы проводим различие между двумя методологическими течениями в психологии: эмпирико-аналитическим и герменевтическим. Их часто и не вполне правильно называют количественным и, соответственно, качественным течениями. Кратко опишем каждое из них.

Эмпирико-аналитическая стратегия восходит к двум основным разделам философии науки первых десятилетий XX века: логическому позитивизму и критическому рационализму. Философы из Вены, принадлежащие к школе логического позитивизма, в 1920-х годах попытались отыскать надежное основание для научного знания. Они в поисках критерия отличия осмысленного языка от метафизического, неосмысленного, полагали, что нашли демаркационную линию в принципе верификации: осмысленными следует считать лишь суждения (пропозиции), которые можно проверить фактами⁵. Одно из исходных положений гласило, что можно приблизиться к реальности без теоретической системы отсчета. При помощи теоретически нейтрального языка ученый способен понять, в чем суть.

Опираясь на такое надежное основание, можно индуктивно выработать общие суждения, имеющие характер закона. (Если на основании некоторого числа случаев было

замечено, что ворона черная и никогда — белая, то методом индукции можно заключить, исходя из этого многократного частного суждения, что все вороны черные — это универсальное суждение). Чтобы сделать психологию «реальной наукой» (и отделить ее от сомнительных умозрительных дисциплин, наподобие философии и теологии), многие психологи в XX столетии примкнули к данному направлению.

Бихевиористы, например, ограничились объективным измерением связей между раздражителями и реакциями у животных, пребывая в уверенности, что более сложные действия людей могут быть объяснены подобным образом в неопределенном будущем. Открытие законов обучаемости в «лаборатории» получило высокую оценку. Идеал — возможность объяснить (и предсказать) человеческое поведение при помощи открытых таким образом законов.

Однако большинство философов науки отвергают логический позитивизм в его строгой форме. Карл Поппер сформулировал следующие возражения. Всякое наблюдение и описание теоретически перегружено; не существует возможности достижения надежных суждений; принцип индукции не выдержан, а верификация общих суждений невозможна. Наука, по Попперу, начинается с проблем, для решения которых следует разработать теории, и только после этого следует делать релевантные наблюдения и искать «факты». Проверка теорий при помощи базовых суждений (проистекающих из непосредственного наблюдения) до определенной степени возможна, но базовые суждения всегда формулируются на языке определенной системы отсчета и имеют условный характер. Их можно использовать на «предварительном уровне», но всегда имеется возможность нового их обсуждения, если появляются новые теоретические мнения или наблюдения. Принятие частных базовых суждений дает простор для фальсификации, но не для верификации: общие суждения относятся к безграничной области, где всегда может возникнуть фальсификация.

Таким образом, единственно правомерное логическое рассуждение — это дедукция: от общих суждений к менее общим или даже к частным. Из общих суждений можно вывести логические заключения: если эти заключения не возникают — суждение ложно; если возникают — суждение может быть верным. Демаркация на основе критического рационализма, как отмечено Поппером, призвана выявить, являются суждения научными или ненаучными, исполнены они смысла или нет. Вопросы, откуда черпается вдохновение для теорий и гипотез и приходят идеи, несущественны для Поппера: так называемый *контекст открытия* оставлен без рассмотрения. Важным представляется *контекст правомерности*: является конечное суждение (или совокупность когерентных суждений, например теория) фальсифицируемым или нет.

В рамках психологии получили признание оба философских течения, хотя логический позитивизм оказался намного более влиятельным. Психологи продолжают писать журнальные статьи и формулировать гипотезы, подлежащие проверке и предлагают к публикации рукописи с фактами, которые согласуются с их теорией (верификация). Что касается психологов, ориентированных на измерение в рамках этого «верификационистского» течения, то эксперимент равносителен их статусу «эмпирических ученых».

Логико-эмпирический подход, унаследовавший идеи и верификационистов, и фальсификационистов, хорошо известен. Следует рассказать о другом важном методологическом направлении в психологии — герменевтике. Именно эта традиция — наиболее влиятельная в культурной психологии и должна представлять особый интерес

¹ Cp.: *Gomperts W. J.* De opkomst van de sociale fobie : Een sociologische en psychologische studie naar de maatschappelijke verandering van psychische verschijnselen. Amsterdam, 1992; *Zeegeers W.* Andere tijden, andere mensen : De sociale representatie van identiteit. Amsterdam, 1988.

² Cp.: *Danziger K.* Constructing the Subject : Historical Origins of Psychological Research. Cambridge, 1990; *Idem.* Naming the Mind : How Psychology Found Its Language. L., 1997.

³ Например: *Much N.* Cultural Psychology // Smith J. A., Harré R., Langenhove L. Rethinking psychology. L., 1995. P. 97–121; *Ratner C.* Cultural Psychology, Cross-cultural Psychology and Indigenous Psychology. N. Y., 2008.

⁴ Cp.: *Belzen J. A.* Rümke, Religie en Godsdienstpsychologie : Achtergronden en Vooronderstellingen. Kampen, 1991; *Idem.* Psychologie en Het Raadsel van de Religie : Beschouwingen Bij Een Eeuw Godsdienstpsychologie in Nederland. Amsterdam, 2007; *Laucken U.* Sozialpsychologie : Geschichte, Hauptströmungen, Tendenzen. Oldenburg, 1998; *Paranjpe A. C.* Self and Identity in Modern Psychology and Indian Thought. N. Y. ; L., 1998.

⁵ Cp.: *Wittgenstein L.* Tractatus Logico-Philosophus. L. ; N. Y., 1921; 1981.

для университета гуманитарных и общественных наук. Она включает целый ряд качественных методов, сфокусированных на постижении смысла.

Герменевтика — это старая традиция. Она сосредоточена на способах толкования текстов (особенно священных текстов, например Библии). Фридрих Шлейермахер (1768–1834), которого многие считают отцом психологии религии, впервые систематически изложил основные принципы герменевтической аргументации. Они были сформулированы до широкого философского метода, который породил принципы исследования для общественных наук и наук о человеке. Целью здесь является не предсказание или контроль, но понимание. Герменевтический метод, как его изложил Гадамер, можно кратко представить в виде следующих положений.

1. Исследование внутри герменевтического круга: интерпретация начинается на основании предварительного интуитивного понимания целого. Оно выстраивает понимание частей, что приводит к суждению о целом. Последнее можно заново проверить, исследовав части. Это циклический процесс, не имеющий завершения. Он может повлечь за собой отказ от первоначальной интуиции вследствие инсайтов, возникших в процессе толкования. Таким образом, понимание имеет пределы, является ограниченным и условным.

2. Раскрытие внутренних связей: поиск исполненных смысла связей между действиями и явлениями. Внешние связи (подобные корреляциям или «законоподобным» связям, искомым в аналитически ориентированном эмпирическом исследовании) недостаточны для раскрытия смысла.

3. Сосредоточенность на отдельных случаях: особое внимание уделяется пониманию отдельных случаев вне зависимости от того, возможно ли обобщение. Идет поиск уникального, а не просто обобщение всех случаев.

4. Слияние горизонтов: имеется различие между знанием или пониманием исследователя или интерпретатора и предметом исследования. С возрастанием понимания расхождение между обоими горизонтами уменьшается.

5. Применение: всякое понимание имеет место в настоящем. Письменные тексты и рассказы людей принимаются всерьез в связи с их притязанием на истину. Эти притязания имеют место в настоящем времени. Истина всегда контекстуальна и насущна.

Герменевтика в психологии представляет собой исследовательскую методологию, в защиту которой выступили Голд и Шоттер¹. Согласно мнению некоторых авторов в настоящее время психология является изменяющейся дисциплиной, отказывающейся от прежнего пристального внимания к лабораторным исследованиям, экспериментальным разработкам, статистическому анализу и эпистемологии, основанных на особой концепции естественных наук, где принят эмпирико-аналитический метод. Психология могла бы стать более эффективной для экологии² при условии проведения большего числа исследований реального мира.

На некоторых уровнях такое движение наблюдается³. Во-первых, психология стала более открытой для исследований ряда прежде недооцененных областей, которые являются центральными для психологии повседневности (ср., например, многочисленные исследования понятия «самость» или все возрастающее число исследований автобиографической памяти). Во-вторых, наблюдается большая открытость в отношении различных вариантов

сбора данных при участии растущего числа исследователей и авторов, использующих самые разнообразные подходы, например нарративная, семиотическая, критическая, феминистская, а также экологическая психология: все они в долгу перед герменевтической мыслью. Предпочтение отдается методам и методикам, таким как обоснованная теория⁴, этнометодология, исследования на местах, исследования отдельных случаев, а также так называемому качественному исследованию в целом. Научная ценность психоаналитического исследования также возрастает, если подтверждена его герменевтическая природа. В-третьих, наблюдается стремление включать в исследования подходящие группы участников не из студенческих кругов, откуда ранее в основном набирались «объекты» изучения для экспериментальной психологии.

Герменевтическое исследование как эмпирическая психология

Современная психология кооптировала термин «эмпирический» и свела его значение к измерению, статистическому анализу и экспериментированию. Многие психологи отказываются принимать психоанализ, феноменологию или иные формы качественного исследования как научные, поскольку они не эмпирические. Чтобы сгладить это утверждение, я сосредоточусь на исходных предпосылках, лежащих в основании методологической процедуры, которая используется в герменевтическом исследовании.

1. Человеческий мир (центр внимания общественных наук) рассматривается как структурированный при помощи совместно выработанного смысла⁵. Этот смысл, связанный с мышлением, речью, чувством, желанием и действием, а также с объективацией человеческой практики (как тексты, искусство, архитектура и т. д.), невозможно выявить при помощи объективных инструментов. Изучение реальностей, структурированных смыслом, требует подходов, основанных на толковании. Их формулировка — дело либо только исследователей, либо исследователей в сотрудничестве с участниками исследования. Развитие и рефлексия такого толкования (толкований) должны методически регулироваться.

2. Человеческий мир рассматривается как имеющий характер процесса: смысл меняется и должен вновь выработываться участниками. Этот процесс не ограничен временем (участники не просто заново выработывают смысл или «раз и навсегда фиксированное повествование»⁶).

3. Происходит возврат к опыту в изначальном, аристотелевском значении. Латинский термин *experientia* — перевод греческого слова *empeiria*. Слово «эмпирический» было кооптировано в технико-методологическую практику естественных наук в том специфическом понимании термина «наука», которое утвердилось начиная с Нового времени⁷. Изначальное аристотелевское значение подразумевает также возвращение к понятию *data* в исконном смысле этого слова. (Это слово заимствовано от лат. *datum* — то, что дано, в противовес *factum* — то, что сделано.)

Таким образом, наряду с признанием центральной роли языка и рассуждения предпочтение отдается работе, практическая часть которой осуществляется в реальном мире, в отличие от экспериментального лабораторного контекста. Герменевтическое исследование не пытается

⁴ Glaser B. G., Strauss A. L. *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. Chicago, 1967.

⁵ Ср., например: Bruner J. *Acts of Meaning*. Cambridge, 1990.

⁶ Flick U., Kardorff E., Steinke I. *Qualitative Forschung: Ein Handbuch. [Qualitative Research: A Handbook]*. Hamburg, 2000.

⁷ Robinson D. N. *An Intellectual History of Psychology*. 3d ed. Madison, 1995.

¹ Gauld A., Shotter J. *Human Action and its Psychological Investigation*. L., 1977.

² Neisser U. *Cognition and Reality*. San Francisco, 1976.

³ Smith J. A., Harré R., Langenhove L. Introduction // Smith J. A., Harré R., Langenhove L. *Rethinking Methods in Psychology*. L., 2003. P. 1–8.

проводить эту практическую часть работы в контролируемых лабораторных условиях, но имеет дело с тем, что уже дано (например, автобиографии, письма, наблюдения в ситуациях реальной жизни и рассказы интервьюируемых).

4. Исследование рассматривается как процесс, цепочка динамических взаимодействий, и оно открыто для участников, ситуаций и методов¹. Участники исследования пребывают, насколько это возможно, в рамках привычной ситуации, обыденного функционирования. Участников не забирают из их мира в лабораторию, где они подвергаются эксперименту, анкетированию или иным процедурам под контролем лишь исследователя. В герменевтическом исследовании ничто не фиксируется априори: здесь не полагаются на один только метод (в действительности иногда следует изобрести или разработать метод в зависимости от исследования). Исследование является эмпирическим до тех пор, пока оно руководствуется фактами практической деятельности в том виде, в каком они явлены субъекту.

5. Считается, что участники исследования имеют право первыми трактовать собственные переживания. Исследователи стараются быть открытыми по отношению к мнению участников и пытаются не навязывать им свою позицию или точку зрения, принятую в существующей теории. Они вступают в активный диалог с участниками, часто знакомят их с результатами исследования для последующей дискуссии.

6. Исследователи работают не только с номотетическим знанием (о том, что происходит всегда, повторяясь вновь и вновь в ряде отдельных ситуаций), но и с идеографическим (знанием о том, что произошло однажды). Номотетическое знание, в отличие от идеографического, идеально формулируется в «законоподобных» суждениях. Идеографическое знание не может быть приравнено к методологии типа $N = 1$ или к ситуационным исследованиям. Согласно Виндельбанду, предложившему это разделение, если идеографическое знание может быть знанием об отдельных личностях, то оно также может представлять собой знание «о всем народе, [об] особенностях языка, религии или законодательства, о достижениях литературы, искусства или науки»².

7. Герменевтическое исследование носит обычно рефлексивный характер: исследователи на протяжении всего процесса задумываются над тем, что они делают, и над собственной ролью в исследовании в целом.

8. Герменевтическое исследование имеет уклон в сторону ситуационных исследований и в основном старается ответить на вопросы «как?» и «что?», нежели на вопрос «почему?»³. Герменевтическое исследование не затрагивает проблемы причинности.

9. Герменевтическое исследование зачастую ориентировано на трактовку жизни и культурных явлений таким образом, как будто они представляют собой тексты, подлежащие толкованию, и выстраивается по принципам литературных теорий. Соответственно здесь задействуются эмпирические данные, такие как записи интервью, заметки о результатах этнографических полевых работ, исторические документы.

В герменевтическом исследовании принят иной стиль изложения, нежели тот, что используется в объективистских, позитивистских общественных науках, и он не пародирует стиль естественных наук. В то время как в естественных науках протестированные гипотезы, табли-

цы и цифры говорят сами за себя (и их достаточно просто продемонстрировать, а не фиксировать письменно), стиль герменевтического исследователя не похож на стиль внешнего привилегированного докладчика. Факты и теория должны быть вплетены в литературный текст, и многие авторы, представители качественной гуманистической традиции, ощущают необходимость пользоваться инструментарием романиста или художника, чтобы описать свои открытия.

Важные неспецифические результаты герменевтического исследования

После экскурса в область психологического исследования религии и описания герменевтического направления в культурной психологии я хотел бы обратиться к главной теме статьи. В действительности я хочу остановиться на неспецифическом результате, полученном из такого рода исследования, результате, который может показаться неинтересным ученому-позитивисту и который чрезвычайно важен для решения вопросов и проблем диалога культур и партнерства цивилизаций.

Особенное направление работы в герменевтическом исследовании с большой долей вероятности позволяет получить примечательный, хотя и совершенно неспецифический результат. За последние десятилетия мы вместе с многочисленными коллегами, студентами и исследователями не один раз были свидетелями того, что герменевтическая методика исследований, которая подразумевает вступление в контакт с испытуемыми, фактическую встречу и разговор с ними (а не просто рассылку анкет или участие испытуемых в анонимных экспериментах в условиях психологической лаборатории), приводит к более тесному знакомству, большему уважению и лучшему пониманию участников исследования, их субкультур и религиозных традиций.

Когда исследователи выезжают в страны, где они изучают феномены, практики и людей, прежде им незнакомые, то слияние горизонтов, как требует и практикует герменевтическое исследование, приводит к тому, что исследователи сами преобразуются: они возвращаются после выполненной работы с более глубоким пониманием, меньшей предубежденностью и не пытаются «втискивать» своих испытуемых и их традиции в рамки предварительно заданных категорий так называемого западного научного знания. То же самое получается, когда исследователи начинают работать над явлениями или вопросами, связанными с одним или несколькими меньшинствами, представленными в современном европейском обществе.

Необходимость встречаться с людьми в их реальной среде, выучить их язык, завоевать доверие, ближе познакомиться с их обычаями, традициями и философией жизни — все это способствует тому, что сами исследователи становятся умеренными поборниками собственных субкультур; они превращаются в людей, менее склонных к предубеждениям против других, в миролюбиво настроенных граждан.

Я не имею в виду, что исследователи перенимают убеждения или обычаи испытуемых, а также не говорю то, что им следовало бы делать. И ни в коем случае речь не идет о том, что исследователи должны непременно любить или начать любить людей, с которыми они пересекаются по работе. Суть в том, что исследователи-герменевтики, поскольку они говорят не только *о*, но также и *с* людьми, участвующими в исследовании, превращаются в личности, тонко чувствующих культуру и способных к диалогу с партнерами из других цивилизаций.

Мои рекомендации можно представить в двояком виде. Во-первых, тем, кто стремится расширить свои способности к диалогу культур, я говорю о том, что культуры

¹ Cp.: Appelsmeyer H., Kochinka A., Straub J. Qualitative Methoden // Straub W. Psychologie : eine Einführung. München, 1997. P. 709–742.

² Пер. на англ.: Lamiell J. T. Rethinking the Role of Quantitative Methods in Psychology // Smith J. A., Harré R., Langenhove L. Rethinking Methods in Psychology. L., 2003. P. 161.

³ См., например: Yin R. K. Case Study Research : Design and Methods. L., 1989.

существуют только внутри и при посредстве человечества, и именно люди, принадлежащие к различным культурам, могут вступить в диалог, но не культуры сами по себе. Таким образом, политикам, церковным иерархам, писателям и другим общественным деятелям можно посоветовать обратить внимание на герменевтическую традицию в психологии и прочих общественных науках, а также осознать тот факт, что *modus operandi* этой научной традиции способен внести существенный вклад в совершенствование их собственных навыков и повышение их компетентности в диалоге культур.

Во-вторых, тем психологам и специалистам в области общественных наук, которые работают исключительно внутри эмпирико-аналитической традиции и применяют только далекие от жизненного опыта методы и методики, я бы хотел напомнить о герменевтической традиции в исследовании и о ее возможности привести к другим результатам, столь же необходимым, как и уже достигнутые, и особенно о неспецифических преимуществах, то есть о большей толерантности в реальной работе с равными по духу людьми — партнерами из иных цивилизаций.